

Глава 1.

Глобализация и Китай. Десятая пятилетка (2000–2005 гг.) — завершение построения материально- технической базы «общества среднего достатка»

Когда И. В. Сталин задумал в конце двадцатых годов XX в. модернизировать советскую армию и экономику, он рассчитывал на получение западных кредитов, технологий и другой помощи. Казалось, предпосылки для этого были: после окончания гражданской войны в России Европа и США начали активно осваивать новый растущий советский рынок. Но случилось непредвиденное. Западные страны потряс жесточайший мировой экономический кризис. Вместо инвестиций в СССР многие западные компании разорялись, в лучшем случае напрягали последние силы, чтобы выжить самим в условиях кризиса. Пришлось искать «внутренние резервы» для модернизации страны. И они, как известно, были найдены в деревне: национализировали имущество «кулаков» и уничтожили кулачество как класс, забрали молодых крестьянских парней на «стройки первой пятилетки», а затем ввели социалистическое крепостное право в деревне, оплачивая сельскохозяйственную работу трудоднями и запретив переезд беспаспортных сельчан в города.

Начало «политики реформ и открытости» в Китае в декабре 1978 г. совпало с усилением процессов глобализации в мировой экономике. Крупнейшие транснациональные корпорации искали новые рынки сбыта и инвестирования, не обращая осо-

бого внимания на идеологические догмы. КНР была готова принять западные инвестиции, а последние готовы были прийти на более чем миллиардный китайский рынок.

Многие китайские авторы связывают переход к «политике реформ и открытости» с государственной мудростью Дэн Сяопина. Однако при внимательном рассмотрении череда событий представляется более захватывающей.

С незапамятных времен китайские крестьяне владели (или арендовали столетиями) маленькими наделами земли. Зачастую многодетные семьи самостоятельно, без привлечения батраков обрабатывали и обихаживали свой клочок земли. Выработалась сильная психологическая привязанность к семейному наделу размером зачастую в несколько му (один му равен 0,15 га). Поэтому политика коллективизации, проводившаяся Коммунистической партией Китая (КПК), вызвала резкое неприятие со стороны крестьянства. В созданных в результате этой политики в 1960-х гг. коллективных хозяйствах каждая крестьянская семья знала свой надел внутри общего поля (или сада) и старалась обрабатывать именно его, мечтая, что однажды снова будет им владеть.

К концу 1970-х гг. китайское общество устало от коммунистических экспериментов: «большого скачка», культурной революции и др. Больше всего страданий выпало на долю крестьянства, которому была уготована участь «внутреннего резерва» для индустриализации КНР. И когда провал этих экспериментов стал для всех очевидным, а внутри КПК даже воцарилась определенная растерянность в отношении выбора пути дальнейшего развития страны, китайский крестьянин взял свою судьбу в свои руки. Крестьянские семьи самопроизвольно растащили коллективные поля на свои наделы. Это не вызвало особенных внутренних споров в крестьянской среде и было сделано достаточно легко, потому что с момента сплошной коллективизации прошло чуть более десяти лет и каждый знал, что он берет не чужое, а свое. Деколлективизация, начавшись в одной провинции (Anhui),

быстро распространилась по всей стране. За полгода практически все социалистические коллективные хозяйства прекратили свое существование. Им на смену пришли индивидуальные домохозяйства, которые работали по контрактам с местными органами управления. Формально собственность на землю осталась в руках государства, но на практике земельные наделы стали использоваться частным образом отдельными крестьянскими семьями.

В этой ситуации действительно проявилась государственная мудрость Дэн Сяопина. Под его влиянием КПК не стала во имя социалистических идеалов идти против народного волеизъявления, а наоборот — провозгласила «политику реформ и открытости». И на деле было продемонстрировано преимущество частной собственности над общественной: после деколлективизации производство сельскохозяйственной продукции росло в 1979–1984 гг. ежегодно в среднем на 7,1%, а в период 1970–1978 гг. — только на 2,7%¹.

Осуществление «политики реформ и открытости» в городе и деревне позволило более свободно и успешно развивать производительные силы, накопить собственный первоначальный капитал, привлечь иностранные инвестиции. Поощряемая при Мао Цзэдуне региональная экономическая децентрализация дала местным элитам большую автономию, достаточно широкие полномочия и побудительные мотивы для создания многочисленных производств, собственниками которых в рамках новой политики выступали отдельные деревни и небольшие городки.

Вступление Китая в ВТО в 2001 г. означало еще большее открытие экономики для глобальных игроков, свидетельствовало о том, что страна окончательно отказывается «изобретать собственный китайский велосипед», а готова жить в соответствии с законами и правилами глобальной экономики.

Конечно, «китайская специфика» никуда не исчезла. В первую очередь, она была связана с сохраняющейся эко-

номической отсталостью Китая и необходимостью вовлечения в производственную деятельность избыточной рабочей силы. В начале первого десятилетия XXI века она проявилась в том, что:

- 1) основной движущей силой экономического роста являлись высокие инвестиционные вложения и экспорт;
- 2) хищнически использовались дешевые природные ресурсы страны;
- 3) произошло сильное загрязнение окружающей среды;
- 4) низка была эффективность использования энергетических и других ресурсов.

В период десятой пятилетки инвестиции в основной капитал увеличивались более чем на 20% ежегодно. В 2005 г. инвестиции составляли 44% ВВП Китая, а коэффициент потребления (процент потребления в ВВП) резко понизился — до 53% (что было ниже среднего мирового уровня более, чем на 20%).

Одновременно в эти годы в стране проводилась реформа ценообразования, был в основном сформирован механизм рыночного определения цен на товары и услуги. В 2005 г. 95,3% цен на товары и различные виды услуг устанавливались рынком. Количество наименований товаров, цены на которые фиксировались правительственными структурами, сократилось со 141 в 1992 г. до 13 в 2005-м. За годы 10-й пятилетки общее число занятых в промышленности и сфере услуг негосударственного сектора экономики возросло с 279 до 349 млн человек².

В стране удавалось сохранять низкую инфляцию. Общий уровень потребительских цен ежегодно возрастал в среднем на 1,4%, что создавало благоприятные условия для развития экономики и повышения уровня жизни населения. Китайская экономика превзошла по объему британскую в 2005 г. и вплотную приблизилась к немецкой (объем последней составил в 2006 г. 2,86 трлн долл.). Отмечая бурный экономический подъем в КНР в начале XXI в., некоторые междуна-

родные эксперты, вместе с тем, подчеркивали, что рост ВВП не обязательно совпадает с ростом экономической мощи страны. Они предлагали оценивать реальную экономическую мощь стран по сумме объема ВВП и величины накопленных зарубежных инвестиций. По последнему показателю Китай значительно отставал от развитых стран. Сумма ВВП и накопленных зарубежных инвестиций составляла в 2005 г. в США 14504 млрд долл., в Японии — 4942 млрд, ФРГ — 3631 млрд, в Великобритании — 3580 млрд, во Франции — 2791 млрд, а в Китае — 2287 млрд долл.

В то же время у Китая быстро увеличивался объем золотовалютных резервов — с менее 5 млрд долл. в 1978 г. до почти 820 млрд в 2005-м (не считая 120 млрд в Гонконге). Вашингтон жаловался, что КНР, занижая обменный курс национальной валюты, не выполняет своей роли в процессе глобальной структурной перестройки, усугубляет условия для снижения торгового дефицита США. Американская администрация утверждала, что рост в Китае достигается за счет искусственного занижения стоимости своих товаров, экспортируемых в огромных количествах на американский рынок (дефицит США в торговле с Китаем в 2005 г. превысил 150 млрд долл.). При этом как-то не учитывалось, что китайский торговый профицит возвращался в США в виде вложений растущих валютных резервов КНР в облигации американского казначейства.

Реагируя на критику Вашингтона, Народный банк Китая (с санкции Госсовета КНР) объявил 21 июля 2005 г. о реформировании валютного режима посредством введения регулируемого плавающего обменного курса, основанного на рыночном спросе и предложении. Была отменена жесткая привязка юаня к американскому доллару. Это решение Народного банка Китая положило начало реформе валютного режима в КНР. Как подчеркнул директор Народного банка Китая Чжоу Сяочуань, от ревальвации китайской национальной валюты дефицит торгового баланса и дефицит бюджета США существенно не сократятся, но реформирование

курса юаня будет полезным, как для китайской, так и для мировой экономики.

Учитывая, что по условиям ВТО рынок финансовых услуг КНР должен был быть полностью открыт для иностранной конкуренции в конце 2006 г., китайское правительство в период десятой пятилетки осуществляло постепенный переход на рыночные механизмы в финансовой сфере, пыталось сделать работоспособной банковскую систему, для которой традиционно серьезной проблемой являлись невозвратные кредиты. В Пекине осознали, что без оздоровления банковской системы Китаю не обойтись. С этой целью, в частности, проводилось акционирование ведущих государственных коммерческих банков.

Для стимулирования банковской системы еще в 1999 г. правительство перевело проблемные активы на сумму 169 млрд долл. из четырех ведущих государственных банков во вновь созданные четыре государственных компании по управлению активами. В 2004 г. перед государственными и частными банками была поставлена задача ужесточить контроль за ростом кредитов. Для рефинансирования государственных банков правительство использовало средства из валютного резерва страны. В 2003 г. оно перевело 45 млрд долл. из валютного резерва в государственную инвестиционную компанию «Central Huijin Investment» для рефинансирования государственных банков. В эту же инвестиционную компанию в 2005 г. было переведено еще 30 млрд долл., прежде всего для рефинансирования одного из китайских государственных банков «большой четверки», в котором доля «плохих» кредитов составляла 19,1% (Industrial and Commercial Bank of China).

После вступления страны в ВТО ускорилась экспортная экспансия Китая. Доля КНР в мировом экспорте в 1970-е годы не достигала 1%, а в 2005 г. превысила 6%. Если в конце 1980-х гг. китайский экспорт в основном был представлен дешевыми одеждой, обувью и потребительскими товарами,

то к концу десятой пятилетки выросла доля сложной электроники, техники, оборудования. На выпускаемых американскими компаниями компьютерах появились надписи: «Сконструирован в США, произведен в Китае». В 2005 г. 55% всего китайского экспорта и 75% экспорта компьютеров и частей к ним приходилось на иностранные компании, действующие в Китае.

Причем, даже процесс конструирования высокотехнологичной продукции начал постепенно уходить в Китай. В 2004 г. китайская компания «Lenovo» приобрела у американской IBM ее подразделение по выпуску персональных компьютеров за 1,7 млрд долл., в июне 2005 г. китайская компания по выпуску бытовой техники «Haier» за 1,28 млрд долл. купила американскую «Maytag». Все чаще западные автомобильные компании стали производить свою продукцию в КНР не только для китайского рынка, но и на экспорт. В июне 2005 г. первая партия произведенных в Поднебесной автомобилей «Volkswagen» была экспортирована в Германию.

В годы десятой пятилетки Китай импортировал из-за рубежа передовые технологии на общую сумму 70 млрд долл., что составляет около 30% объема китайского импорта передовых технологий за период с начала проведения в стране «политики реформ и открытости». Благодаря этому заимствованию в КНР заметно выросли технологический уровень и производственные мощности в таких областях, как энергетика, металлургия и фармацевтика. В 2005 г. было подписано почти 10 тыс. контрактов, связанных с импортом новых технологий, что на 15,1% больше, чем в 2004 г. Общая стоимость этих контрактов составила 19,05 млрд долл. (прирост на 37,5%). К концу пятилетки крупнейшим поставщиком передовых технологий в Китай стал Европейский союз (затем Япония и США). Ведущие транснациональные корпорации, в том числе IBM, Интел, Майкрософт, Дженерал электрик, Моторола, Дженерал моторс, Байер, Алкатель, Нокия, Дюпон, Эриксон, Мицубиси, Мацushита, Тошиба, Хонда, Ямаха,

создали исследовательские подразделения в КНР с числом сотрудников от нескольких сотен до нескольких тысяч. Всего в КНР насчитывается более 800 центров транснациональных корпораций (ТНК) по исследованиям и разработкам. Такая ситуация была обусловлена тем, что доля расходов на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР) в ВВП Китая составляла всего 1 % против 3 % в Корее и Японии. А по числу научных работников в расчете на миллион человек населения Китай почти в пять раз отставал от Кореи и в восемь от Японии.

Фактически Пекин осуществлял более дешевую стратегию создания высокотехнологического сектора, нежели в свое время Корея и Япония. Последние не полагались в такой степени на прямые иностранные инвестиции, а Китай при малых затратах на собственные НИОКР заимствовал технологии и начал производить массу наукоемких изделий.

Сегодня Китай планирует сам стать двигателем не только экономического роста, но и прорывных направлений научно-технического прогресса. Одним из таких направлений являются новые биотехнологии. Министерство науки и технологии КНР, Министерство человеческих ресурсов и социальной безопасности, Министерство образования, Китайская академия наук, Китайская инженерная академия и Китайская научно-техническая ассоциация обнародовали 26 декабря 2011 г. среднесрочный и долгосрочный планы на период 2010–2020 гг. по привлечению в страну талантливых специалистов всех уровней в сфере биотехнологий. Предполагается, что в результате правительственной поддержки в Китае появится биотехнология мирового уровня³.

На международной арене Китай стал объектом для развертывания процессов глобализации, главным образом через проникновение в страну крупнейших транснациональных корпораций. Одновременно он начал превращаться в важного субъекта глобализации, оказывающего растущее влияние на мировые экономические процессы.

На рубеже веков экономический рост Китая достигался за счет высокой материало- и энергоемкости производства. Ведь зачительную его часть обеспечивали металлургия, нефтепереработка, химическая промышленность. Энергетические потребности страны постоянно росли при ограниченности собственных ресурсов. Китай производил в 2005 г. 3,5 млн баррелей нефти в сутки, а суммарное потребление нефти составляло 5,9 млн баррелей в сутки. Уже в 2003 г. Китай обошел Японию и стал вторым крупнейшим импортером нефти в мире после США. По прогнозам американского Министерства энергетики, потребление энергоресурсов в Китае, в особенности нефти, будет и дальше очень быстро расти, достигнув к 2025 г. 12,8 млн баррелей нефти в сутки, из которых 9,4 млн придется импортировать.

Резкий рост потребления нефти Китаем стал одним из ключевых факторов увеличения мировых цен на это сырье. Желая обеспечить свои растущие энергетические потребности, Пекин пытается гарантировать себе поставки нефти, перенаправив в страну многие транспортные потоки. Именно этим объясняется чрезвычайно активный интерес Китая к энергетическим проектам в Центральной Азии, Африке, Латинской Америке.

В 2002 г. китайская нефтяная компания CNPC пыталась купить российскую «Славнефть», но не была допущена к аукциону. В 2004 г., по неофициальной информации, китайские нефтяные компании проявляли интерес к активам ЮКОСа. В мае 2004 г. CNPC, которой принадлежат месторождения в западном Казахстане, подписала с казахской компанией «Казмунайгаз» соглашение о строительстве нефтепровода, по которому казахстанская нефть пойдет в Китай, обеспечивая для начала 200 тыс. баррелей в сутки. В июне 2005 г. китайская нефтяная компания CNOOC предложила 18,5 млрд долл. за американскую нефтегазовую компанию «Unicol», имеющую добывающие подразделения в соседних с Китаем странах Юго-Восточной Азии. (CNOOC пыталась превзойти

предложение американской корпорации «Chevron», которая была согласна отдать за «Unocal» 18 млрд долл.). Сделка с китайской нефтяной компанией вызвала бурную реакцию в Вашингтоне. В итоге предложение китайской компании было заблокировано правительством США по той причине, что CNOOC контролируется иностранным правительством, а слияние с «Chevron» одобрено.

В целом в период десятой пятилетки Китай достиг многого в экономическом развитии. Бедность населения и социальные проблемы не исчезли, но в стране был ликвидирован голод и крайние формы нищеты, вырос средний класс (составивший, по китайским оценкам, 300–400 млн человек в 2005 г.). Реализованы многочисленные инвестиционные проекты в сфере инфраструктуры. Страну опоясали современные скоростные автомобильные магистрали, появились новые морские порты и аэропорты. В городах были построены системы канализации и водоснабжения. Можно сказать, что практически была выполнена задача построения материально-технической базы «общества среднего достатка». Вместе с тем обозначились серьезные негативные социальные последствия бурного экономического роста: увеличение разрыва между городом и деревней, между отдельными регионами страны и отраслями народного хозяйства, между богатыми и бедными.

11 октября 2005 г. состоялся 5-й пленум ЦК КПК 16-го созыва, одобривший «Рекомендации ЦК КПК по разработке 11-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития». Эти рекомендации нацеливали на преодоление проявившихся негативных социальных последствий. Предусматривалось, что в следующем пятилетии центральное правительство увеличит капиталовложения в сельское строительство, развитие центральных, северо-восточных и западных регионов, сферу общественного благосостояния, а также в охрану окружающей среды и инфраструктурное строительство.

На рабочем заседании ЦК КПК по экономическим вопросам, которое состоялось в конце 2005 г., было решено разработать меры по повышению внутреннего потребительского спроса для большей эффективности экономического развития. Расширение внутреннего спроса было объявлено долгосрочным стратегическим курсом в экономическом развитии страны.

Примечания

- ¹ *Bardhan Pranab*. *Awakening Giants, Feet Clay: Assessing the Economic Rise of China and India*. Princeton University press, 2010. P. 19.
- ² *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М.: Форум, 2009. С. 388.
- ³ China Science and Technology Newsletter. No 642. 2012. Jan. 10. (www.most.gov.cn).

Глава 2.

Мировой финансово-экономический кризис и Китай

В одиннадцатой пятилетке (2006–2010 гг.) продолжился быстрый рост китайской экономики. Это позволило сглаживать социальные противоречия, сдерживая безработицу в городах; повышать реальные доходы городского и сельского населения; вкладывать значительные средства в развитие инфраструктуры страны. Характерно, что в КНР не только происходил быстрый экономический рост, но началась полномасштабная модернизация основных отраслей промышленности, опережающий рост капиталовложений в информационные технологии и наукоемкие производства. Были продолжены рыночные преобразования экономики, связанные с вступлением в ВТО.

Вместе с тем сохранялись и серьезные структурные проблемы в социально-экономическом развитии страны: нерациональность экономической структуры, слабые возможности в области самостоятельной инновации, медленная трансформация модели экономического роста, значительный перерасход энергетических и других ресурсов, усугубление загрязнения окружающей среды, а также острые противоречия в области трудоустройства, дисбаланс инвестирования и потребления, дальнейший рост различий в уровне развития города и села, между регионами, увеличение разницы в доходах населения.

Китайская экономика взяла хороший старт в одиннадцатой пятилетке. По данным Национального бюро статистики КНР, ВВП Китая вырос в 2006 г. на 10,7% по сравнению с предыдущим годом и достиг 20,94 трлн юаней (2,68 трлн

долл.). Индекс потребительских цен вырос на 1,5%, при этом цены на жилье в 70 крупнейших городах выросли на 5,5%.

Такой впечатляющий рост стал возможным прежде всего благодаря притоку многомиллиардных зарубежных инвестиций (прямые зарубежные инвестиции в КНР составили в 2002 г. 52,7 млрд долл., в 2003–53,5, в 2004–60,6, в 2005–60,3, в 2006–63 млрд долл.) и экспорту. В руководстве страны начали задумываться над проблемой «перегрева» экономики, некоторые органы госуправления предлагали в этой связи ограничить приток иноинвестиций.

Однако зарубежные инвестиции распределяются по территории Китая крайне неравномерно. Иностранные инвестиции направляются преимущественно в прибрежные районы восточного Китая, которые и дают основной прирост ВВП КНР. Центральные, западные и северо-восточные провинции Китая, где высок уровень государственных предприятий и недостаточно развит частный бизнес, получают только 18,2% от всего объема прямых зарубежных инвестиций. По данным Министерства коммерции КНР, в 2006 г. в Восточный Китай были направлены 56,9 млрд долл. прямых иностранных инвестиций – 90,3% общего объема, в Центральный Китай – 3,9 млрд (6,2%), в Западный Китай – 2,2 млрд долл. (3,4%). Некоторые китайские экономисты отмечали, что для избежания «перегрева» экономики надо не сдерживать приток таких инвестиций (на чем настаивала Национальная комиссия по развитию и реформе), а направлять их туда, где они нужнее всего.

Продолжилась эволюция структуры китайского импорта и экспорта. В первую очередь менялась номенклатура товаров. В 1980-х гг. внешний товарооборот Китая возрастал главным образом за счет увеличения экспорта продукции легкой и текстильной промышленности; в 1990-х гг. – за счет роста доли традиционной машиностроительной и электронной продукции. После вступления Китая в ВТО быстрыми темпами стали расти импорт и экспорт высокотехнологич-

ной продукции, такой как «ноутбуки», мобильные телефоны, жидкокристаллические дисплеи, интегральные схемы.

Перемены коснулись и субъектов, осуществляющих внешнюю торговлю. Если раньше почти все внешнеторговые операции вели государственные внешнеторговые компании, то в начале одиннадцатой пятилетки на долю госпредприятий приходилось уже менее одной пятой части экспорта страны и около одной четверти объема импорта, в то время как на долю предприятий с участием иностранного капитала приходилось 58 % внешнего товарооборота страны, а доля предприятий негосударственного сектора составила 21 %, превзойдя долю госпредприятий.

По данным Министерства коммерции КНР, внешнеторговый оборот составил в 2006 г. 1760,69 млрд долл.: экспорт — 969,08 млрд — рост на 27 % по сравнению с предыдущим годом, и импорт — 791,6 млрд — рост на 20 %. Положительное сальдо торгового баланса КНР достигло 177,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2005 г. на 74 %.

Это растущее с каждым годом положительное торговое сальдо привело к тому, что Китай стал обладателем самых больших резервов иностранной валюты в мире (1,07 трлн долл. по состоянию на конец 2006 г.). Эксперты полагают, что такие валютные резервы несут в себе огромный инфляционный потенциал и во много раз превосходят сумму валюты, необходимой для осуществления международных торговых расчетов, уплаты старых внешних долгов и поддержания страховки на случай непредвиденных ситуаций. Государственная администрация КНР по иностранной валюте хранит эти резервы в основном в американских казначейских билетах, что поневоле делает Пекин заинтересованным лицом в поддержании «здоровья» американской экономики.

Стремление китайского руководства повышать уровень социального развития населения отразилось в том, что в 11-м пятилетнем плане доля ассигнований на исследования и разработки в области сельского хозяйства, энергетики, окру-

жающей среды и здравоохранения была увеличена на 20 % по сравнению с предыдущей пятилеткой и составила 50 %, а доля промышленных разработок уменьшилась с 70 до 50 %. Следует, однако, отметить, что задания 11-го пятилетнего плана по сокращению потребления энергии на каждый процент роста ВВП и уменьшению загрязнения окружающей среды регулярно не выполнялись.

Вместо снижения выбросов диоксида фосфора на 10 % — до 23 млн т к 2010 г., как предусматривалось планом, в 2006 г. они выросли на 7 % — до 35 млн т. Самый большой штраф за нарушение китайского закона о защите атмосферы составлял 200 тыс юаней (25,727 долл.). Многие крупные компании уплачивали этот штраф сразу, и потом весь год безнаказанно выбрасывали в атмосферу любые вещества. Местные власти в ряде случаев не решались наложить даже этот штраф, ибо закрытие завода, загрязняющего атмосферу, лишало город крупнейшего налогоплательщика и работодателя. По данным китайских экологических организаций, 25 % побережья и почти 50 % территориальных вод Китая оказались загрязненными.

В 2006 г. в Китае был достигнут рост внутреннего потребления на 13,7 % по сравнению с 2005 г. (до 979,6 млрд долл.). Руководство страны посчитало это крайне недостаточным. Исследования показывали, что рост внутреннего потребления серьезно сдерживался неразвитостью систем социального страхования (китайцы продолжали откладывать деньги на «черный день»).

По данным национального бюро статистики, в 2006 г. в стране появилось 11,84 млн новых рабочих мест, 80 % из которых предоставил частный сектор. Официальный уровень зарегистрированной безработицы составил 4,1 % (снижение на 0,1 % по сравнению с 2005 г.). Как заявил министр труда и социальной безопасности КНР Тьен Ченпин, главной причиной улучшения ситуации на рынке труда стал экономический рост и особенно бум в частном секторе.

Расширение налогооблагаемой базы позволило резко увеличить поступления в бюджет, не увеличивая налоги. По данным Государственной налоговой администрации КНР, в 2003 г. поступления от налогов составили 2,046 млрд юаней, в 2004–2,572, в 2005–3,087 и в 2006 г. – 3,764 млрд юаней. Руководство КНР приняло решение уравнивать в 2007 г. налоги на прибыль для китайских и иностранных предприятий и установить единый 25-процентный налог (до этого китайские компании платили 33-процентный налог, а иностранные – 15-процентный). Учитывая ухудшающуюся экологическую ситуацию, правительство решило в дополнение к налогам на использование угля, нефти и природного газа добавить налоги на использование воды, продуктов леса и лугов. Были увеличены и сами налоговые ставки. Местным властям было предложено пересмотреть уровень налогов на землю в городах и на использование пахотных земель в несельскохозяйственных целях.

Согласно условиям вступления КНР в ВТО, страна должна была к концу 2006 г. полностью открыть свой финансовый сектор для иностранного капитала, а китайские ценные бумаги – получить доступ на зарубежные фондовые рынки. В мае 2006 г. Народный Банк Китая опубликовал заявление, согласно которому Китай не только выполнил свои обещания уменьшить региональные и деловые ограничения в отношении иностранных банковско-финансовых учреждений, но и увеличил степень открытости собственного финансового рынка. В результате в 25 китайских городах зарубежные банки смогли начать предоставлять услуги китайским предприятиям в местной валюте. В стране также были полностью отменены региональные и деловые ограничения в отношении зарубежных банков по операциям с иностранной валютой. Кроме этого, при условии обеспечения абсолютной государственной финансовой безопасности проводится привлечение иностранных инвестиций к реформированию китайских коммерческих банков. Подобный курс на откры-

тость также начал реализовываться на фондовом и страховом рынках Китая.

В декабре 2006 г. Правительство КНР разрешило шести крупным иностранным и трем гонконгским банкам трансформировать ранее открытые на материковой части страны филиалы в дочерние структуры. Образованные компании попали под более строгий контроль со стороны Народного Банка Китая (Центробанка), но одновременно получили равные возможности с местными финансовыми структурами в конкурентной борьбе за сбережения китайских граждан. Американская «Citigroup Inc», британский HSBC, гонконгские «Hang Seng Bank», «DBS Bank» и «Bank of East Asia», «Standard Chartered Bank» из Великобритании, японские «Mizuho Corporate Bank» и «Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ» и голландский «ABN Amro Bank» первыми смогли воспользоваться результатами открытия банковского сектора КНР. Они получили возможность предоставлять услуги физическим лицам в иностранной и местной валюте по всей стране, обслуживать кредитные карты, выдавать ипотечные кредиты.

В 2007 г. в Китае продолжился быстрый экономический рост. Почти все плановые экономические показатели оказались превышенными (за исключением показателя роста инфляции). Согласно уточненным данным Государственного статистического управления КНР, опубликованным в начале 2009 г., экономический рост страны в 2007 г. составил не 11,9%, как сообщалось ранее, а 13%. Это означало, что по итогам 2007 г. Китай стал третьей экономикой мира, опередив ФРГ. Эксперты отмечали, что потребуется три-четыре года для того, чтобы Китай обошел Японию. КНР стала более активной на международной арене и экономически, и политически. Пекинское руководство разрешило крупнейшим китайским корпорациям, включая страховые, вкладывать свои капиталы в активы зарубежных компаний, банков и т. п.

В основе китайского «экономического чуда», безусловно, лежали прямые иностранные инвестиции. После присо-

единения к ВТО страна стала вторым в мире получателем этих инвестиций, с 2005 года в КНР ежегодно приходило более 100 млрд инвестиций. К 2012 г. их общий объем достиг 1,8 трлн долл. Основным «двигателем» растущей китайской экономики по-прежнему оставался экспорт. Вместе с тем руководство КНР столкнулось с двумя проблемами: как сделать внутреннее потребление наряду с экспортом важнейшим средством развития экономики и как избежать перегрева экономики, что чревато развитием гиперинфляции и другими негативными последствиями.

Основные дебаты внутри партийно-государственного руководства КНР велись именно по формам и способам решения двух вышеназванных проблем. В зависимости от предлагаемых форм и способов в правящей элите обозначились два крыла, которые условно можно назвать «левым» и «правым». Представители «левого» считали, что приоритет должен быть отдан сохранению социальной стабильности, а следовательно, не стоит слишком сдерживать экономический рост и приток инвестиций, которые решают проблемы безработицы, увеличения налоговых поступлений (которые, в свою очередь, можно бросить на осуществление социальных программ). Представители «правого» крыла были больше обеспокоены долгосрочными последствиями быстрого роста и поэтому настаивали на немедленном обращении к решению проблем инфляции, экологических проблем, вопросов энергосбережения. Достаточно условно лидером «левого» крыла выступал Председатель КНР Ху Цзиньтао, а лидером «правого» — Премьер Государственного совета КНР Вэнь Цзябао.

Прошедший в октябре 2007 г. 17-й съезд КПК наряду со ссылками на марксизм-ленинизм, учения Мао и Дэн Сяопина включил в Устав партии обоснование необходимости «научного подхода» к развитию экономики и общества в целом. На практике это означало сдерживание инвестиций в энергоемкие и экологически вредные промышленные проекты, всемерную поддержку наукоемких производств

с дальнейшим переходом от лозунга «сделано в КНР» к «создано в КНР». Съезд поставил задачу сформировать в Китае «общество среднего достатка»: увеличить в четыре раза к 2020 г. по сравнению с 2000 г. не просто объем ВВП, но ВВП в расчете на душу населения. Было принято также решение развернуть государственные программы в области здравоохранения, образования и социального обеспечения, что не только должно позволить сохранить социальную стабильность, но и способствовать развитию внутреннего потребления.

Для перевода решений 17-го съезда на язык конкретной экономической политики в начале декабря 2007 г. в Пекине с участием всех высших руководителей КНР была проведена Центральная экономическая рабочая конференция. На ней были сформулированы восемь главных экономических заданий на 2008 год:

1. Улучшение осуществления политики макроэкономического регулирования с целью поддержания стабильного и быстрого экономического развития.
2. Укрепление позиций сельского хозяйства как фундамента национальной экономики и придание ускорения сельской экономике.
3. Увеличение потенциала КНР в области самостоятельных инноваций и проведение улучшения структуры промышленности.
4. Обеспечение значительного прогресса в энергосбережении и сокращении вредных выбросов в атмосферу.
5. Обеспечение сбалансированного развития различных регионов и продолжение постепенной урбанизации.
6. Углубление комплексных всеобъемлющих реформ для улучшения механизмов научно обоснованного развития и социальной гармонии.
7. Дальнейшее развитие фактора открытости экономики: осуществление стратегии свободных торговых зон, улучшение структуры иностранных инвестиций, осу-